

Этнические ментальные стереотипы в былинном тексте

Тезис о том, что языковая картина мира связана с мировоззренческими установками этноса, является одним из самых востребованных в современных лингвистических исследованиях. Предметом анализа, как правило, является область лексики, на базе которой формируется концептосфера языка. В работах лингвофольклористов, анализирующих разные стороны фольклорной языковой картины мира, до недавнего времени сохранялся такой же подход (5,23; 6,18; 9). Но уже первые исследования в области фольклорного текстообразования показали, что модели, регламентирующие построение произведений фольклора, тесно связаны с этническими менталитетом: многие из них сложились под влиянием стереотипных форм этнического мироощущения (1,11-17).

Одна из таких моделей, акциональная, служит семантическим каркасом художественной микроситуации в былинном тексте. Эта модель программирует ситуацию совершения персонажем какого-либо, в большинстве случаев, физического действия. Заслуга в выявлении и изучении названной модели принадлежит Е.Б. Артеменко (2,57-68). Исследовательница показала, что составляющими модели являются расположенные в определенной последовательности семантические звенья, каждое из которых выражается предикативной единицей (ПЕ) или рядом ПЕ. Звенья модели представляют в обобщенном виде определенные стороны, детали акциональной художественной микроситуации: средство, орудие, при помощи которого осуществляется основное действие, способ использования орудия, способ подготовки действия, локальную сторону микроситуации и т.п.

Охарактеризованная модель является основой формирования акционального текстообразующего блока (ТБ). Воссоздавая конкретную микроситуацию, сказитель строит блок путем отбора и комбинирования звеньев, содержательно соответствующих задаче воссоздания этой ситуации. При этом каждое звено приобретает лексическое наполнение:

Как подскочит тут казак да Илья Муромец
Со своей было клюкою сорочинскую,
Как ударит он ею да в буйну голову,-
Отлетела голова да будто пуговица (4, с.123).

Текстообразующий блок, воссоздающий в своих границах отдельную художественную микроситуацию, является семантически целост-

ной единицей. Семантическая целостность ТБ предполагает известную целостность его синтаксической организации. При этом характерной чертой синтаксической структуры ТБ является связь входящих в нее ПЕ «по вертикали». Основы этой связи, свойственной стихотворному фольклору, были также выявлены и описаны Е.Б. Артеменко (3,160). На материале русской народной лирической песни исследовательница выявила, что большинство стихов представляют собой смысловые и конструктивно целостные единицы, обладающие предикативной организацией.

В ряде случаев ПЕ превосходит размеры стихотворной строки. При этом происходит ее предикативная децентрализация – распространение по ряду стихов с обеспечением структурно-смысловой целостностью каждого из них и синтаксической связи между ними «по вертикали» - на основе нелинейного соотношения компонентов. Распределение ПЕ по нескольким стихам, как показала Е.Б. Артеменко, происходит по особым моделям, которые сложились в народном творчестве на основе общезыковых структур и специфических конструкций разговорной речи. Среди этих моделей в качестве основных исследовательница выделяет синтаксический параллелизм, позиционный повтор, концентрирующий повтор, цепной повтор, местоименную конденсацию, местоименное дублирование, межстиховую атрибуцию.

В свете заявленной темы интерес представленный неполный глагольный параллелизм (разновидность синтаксического параллелизма) и местоименное дублирование.

В конструкциях с неполным параллелизмом стихов – ПЕ конструктивно существенными компонентами являются глагольные члены, которые занимают в стихах тождественные позиции. Для них характерно единство модального и видо–временного планов. В былинке глагольные компоненты, как правило, располагаются в начале стиха. Вынос члена, информативно наиболее важного, в начало высказывания – характерная черта разговорной речи [Русская разговорная речь, 1973, с.382]. Аналогичное явление в былинке, по-видимому, также связано со стремлением сказителей начать высказывание с наиболее важного компонента. Им в былинном тексте является глагол-сказуемое, с помощью которого создается присущий былинному повествованию динамизм. О.А. Нечаева указывает, что вынесение глагольного сказуемого на первое место в предложении подчеркивает повествовательный характер речи (особенно сказовой: речи сказочника, сказителя) [Нечаева, 1974, с.135-136].

Неполный параллелизм, создаваемый позиционной общностью глаголов-сказуемых в пределах нескольких стихов, специализирован в

былине на выражении последовательных действий в рамках ТБ, который в синтаксическом плане представляет собой последовательность ПЕ, иконически воспроизводящих последовательность действий героя в определенной ситуации. Конструкции с неполным глагольным параллелизмом служат структурной основой ТБ в целом или его части:

Брал коня Добрыня богатырского
 Да й **седлал** Добрынюшка добра коня,
 Да й **садился-то** Добрыня на добра коня,
Выезжал Добрыня с широкого двора
 (4, 63).

Модель местоименного дублирования также представляет собой один из способов распространения ПЕ по ряду строк с обеспечением нелинейной связи между входящими в ее состав стиховыми структурами. Имеется в виду вынос в отдельную строку именной группы и воспроизведение ее содержания посредством личного местоимения в составе следующей строки:

Тут молодой Добрыня сын Никитинич
 Берет он плеточку шелковую (4, 468).

Вынесенная в отдельный стих именная группа представляет собой развернутую номинацию персонажа, с которым в былине связана определенная художественная ситуация.

Наблюдения показывают, что в былине широко распространено явление взаимодействия построений с местоименным дублированием и структур с неполным глагольным параллелизмом, на базе которых часто формируются ТБ. Стиховая единица, которая содержит местоимение, дублирующее именную группу предшествующего стиха, соотносится с последовательными стиховыми структурами на основе параллелизма их глагольных компонентов. Это происходит в тех случаях, когда начало ТБ совпадает с началом нового композиционного фрагмента. Стиховая единица, воспроизводящая наименование действующего лица, служит сигналом к началу развертывания в границах ТБ акции:

Ай тут старой-от казак да Илья Муромец
 Ой скорешенько **садился** на добра коня,
 Ай он **вез-то** Соловья да во чисто поле,
 Й он **срубил** ему да буйну голову (4, 17).

Конструкции с местоименным дублированием являются наиболее частотными средствами репрезентации развернутой номинации персонажа в субъектной функции. Этой функции присуще грамматическое выражение формой именительного падежа. Эпический герой-субъект действия всегда выступает как активный деятель, что находит отраже-

ние в структуре былинного текста – в позиции построений с местоименным дублированием в начале акционального блока. Роль активного деятеля акцентируется развернутым наименованием персонажа, вынесенным в отдельную строку. Для сравнения: герой-объект действия в былине имеет краткое обозначение.

Б.Н. Путилов установил, что определяющий смысл, ведущий пафос классического эпоса заключается не в изображении и оценке некогда совершившегося в истории, «но в утверждении комплекса идеалов и норм социального порядка, поведения, нравственности, мировоззренческих принципов, жизненных позиций в сфере истории, отношений между людьми, семьи» [Путилов, 1988, с.16]. В связи с этим можно предположить, что в синтаксической конструкции находит отражение один из аспектов народного менталитета. В сознании русского народа ценность человеческой личности, в первую очередь, определяется ее способностью к поступку на благо народа, страны, семьи. Человек интересен постольку, поскольку он совершает активные действия. В эпоху становления Российской государственности, к которой относится складывание эпоса как жанра, высшее предназначение человека видилось в его способности быть деятелем, воином, защитником.

Таким образом, обозначение имени героя (с указанием социального статуса, возраста, физических и психических характеристик), представляющее «такой эмоциональный фактор, который останавливает внимание читателя» [Кондратьева, 1967, с.94], положение имени собственного в текстовом пространстве в известной мере обнаруживает место и роль человека в национальном сознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко Е.Б. Фольклорное текстообразование и этнический менталитет // Традиционная культура. Научный альманах. – 2001. – №2/ 4/ – С.11-17.
2. Артеменко Е.Б. Принципы организации народно-песенных текстов: былинное текстообразование //Изв. РАН. Сер.лит. и яз. – 1983. – Т.52.– №3.– С.57-68.
3. Артеменко Е.Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. Воронеж, 1977. – 160с.
4. Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные... А.Ф. Гильфердингом летом 1971 года. М.–Л.; 1949. – Т.1; М.–Л., 1950. – Т.2.
5. Доброва С.И. Образный параллелизм в его структурно-семантических модификациях: Автореф.дис. ... канд.филол.наук. – Воронеж, 1998. – С. 23.
6. Завалишина Ю.Г. Зоонимы и фитонимы в русской и английской паремииологии в аспекте этнического менталитета: Автореф.дис. ... канд.филол.наук. – Белгород, 1998. – С.18.
7. Кондратьева Т.Н. Собственные имена в русском эпосе. – Казань, 1967. – С.247.

8. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). – Улан-Удэ, 1974. – С.368.

9. Петренко О.А. Народно-поэтическая лексика в этническом аспекте (на материале русского и английского фольклора): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 1996.

10. Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. – М., 1988. – 225с.; Русская разговорная речь. М., 1973. – 485с.